

РАЙАН ГРОДИН

ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ЗАМКА

Хранительница замка

Райан Гродин

Хранительница замка

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гродин Р.

Хранительница замка / Р. Гродин — «Эксмо»,
2024 — (Хранительница замка)

ISBN 978-5-04-251884-3

Волшебник Запад узнал, что умер, лишь спустя сутки после смерти. Казалось бы, ничего страшного, вот только вместе с жизнью он лишился и магии. А без его заклинаний древний замок Селурдур рухнет уже к следующему полнолунью. Пока волшебник-призрак ищет себе преемника среди участников магического турнира, Фэй, дочь смотрителя замка, изо всех сил пытается удержать Селурдур от окончательного хаоса. А это непросто, когда на кухне то и дело вспыхивают пожары, компостный дракон требует обед по расписанию, а по двору разгуливают петухи-убийцы. Но настоящая беда приходит вместе со слугой Сумеречной королевы, который намерен уничтожить не только Селурдур, но и все королевство. Время уходит, магия угасает, и теперь только Фэй способна спасти Солум от неминуемой гибели.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-251884-3

© Гродин Р., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава первая. Жабы тоже умеют печатать на машинке	6
Глава вторая. Новый хозяин для тигротапок-сорокоходов	13
Глава третья. Я умер? Да здравствую я!	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Райан Гродин

Хранительница замка

The Girl Who Kept the Castle

Copyright © 2024 by Ryan Graudin

Jacket art @ copyright 2026 Dion MBD

All rights reserved.

© Наумова А. В., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», издание на русском языке, 2026

* * *

Глава первая. Жабы тоже умеют печатать на машинке

Волшебник Запад узнал, что умер, лишь через сутки после смерти.

Слуги в Селурдуре – его огромном волшебном замке – боялись сообщить ему об этом, а зеркал там не имелось. Даже серебряные ложки здесь покрывала мощная патина: самовлюбленный Запад страшился собственного отражения. Он способен был несколько дней подряд зачарованно любоваться складками одежды, ниспадающими с его статных плеч, и черными как ночь волосами – он сам изобрел для них эликсир под названием «Прочь, седина». Гений, вот он кто! Благодаря другому его знаменитому снадобью – бальзаму «Застывалус» – кожа волшебника оставалась упругой, словно шкура китенка. Да он, Запад, выглядит вдвое моложе, чем на самом деле! Нет, в четыре раза моложе! В десять! Вот так он и жил...

Когда страдаешь нарциссизмом, мучений не избежать.

Поэтому Запад давно решил положить конец, правда, не самовлюбленности, а зеркалам. *«Расколочу все зеркала в Селурдуре и чудесно заживу!»*

И вот он незаметно для самого себя превратился в призрака.

Рукава его длинной чародейской мантии прикрывали кисти рук, а ноги он сунул в тигротапки-скороходы так стремительно, что не успел заметить, что кожа на ступнях стала мертвенно-бледной. Завтракал Запад рассеянно и не заметил, как пережеванный кекс усыпал крошками кресло – позже их стряхнула горничная. Та же участь ждала и обед, а чай растекся по сиденью дымящейся лужицей. К этому моменту слуги в большинстве своем уже догадались о случившемся.

Гулкие коридоры Селурдура наполнились перешептываниями: горничные, лакеи и даже ожившие рыцарские доспехи делились друг с дружкой последней сплетней. Великий волшебник Запад умер, но скажи ему об этом, и он тебя в лесную живность превратит, а если ты – доспехи, то станешь заводным железным ежиком. Поэтому желающих не находилось.

С другой стороны, если волшебник Запад, ложась спать, обнаружит в кровати собственное бездыханное тело, он, возможно, так разозлится, что вообще всех в зверюшек превратит. Призракам не нужны дворцовые, чтоб двери открывать – они спокойно проходят сквозь стены. И прачки им тоже без надобности: зачем призраку стирать одежду, если он теперь вечно ходит в той, в которой умер? Повар призраку тоже ни к чему: вкуса еды привидения все равно не ощущают.

– Надо кому-то из нас набраться смелости и сказать ему, – рассуждала повариха Рена.

– И кому же? – поинтересовался седовласый дворецкий Аргон. На самом деле, благодаря волшебству Запада, волосы у Аргона были из самого настоящего серебра. – Я тут почти век работаю не для того, чтобы землеройкой стать!

– Я тоже! – заявил Пак, которого уже и так превратили в кота.

Жизнь землеройки – участь не самая завидная, с этим соглашались все слуги волшебника Запада, поэтому они решили раскинуть лакричные кости. Впрочем, некоторые хитрецы норовили их съесть, так что вместо лакричных слуги взяли фишки, сделанные из костей тролля.

Фишки быстро их рассудили: жребий пал на двенадцатилетнюю дочку смотрителя.

В тот самый момент, когда кучка костяшек решила судьбу Фэй Гарднер, сама девочка стояла перед драконом. Ноздри у него были размером с тарелку, чешуя напоминала шлифованные изумруды, а зубы в высоту сравнялись бы со взрослым мужчиной.

Звали дракона Нел.

Впрочем, это его сейчас так звали. Когда-то дракону какие только жуткие имена ни придумывали: Небесная кара, Дьяволов змей, Овецкрад. Все это было до его битвы с самым первым волшебником Западом – тогда они целую неделю бились перед воротами Ретнека. Ско-

ванные ужасом жители столицы наблюдали, как последнего огромного дракона на их острове наконец одолели. А потом приручили. Победленного дракона доставили во владения волшебника Запада. Там его посадили на другую диету и в конце концов отправили на спокойную пенсию, возложив на него обязанности уничтожителя отходов.

Компостный Корнелиус или, если коротко, Нел, уже несколько сотен лет оставался старейшим обитателем Селурдура. На его мшистой спине росли деревья почти такие же высокие, как сам замок, и, судя по их высоте, дракон не двигался с места уже лет сто, не меньше.

Фэй его прекрасно понимала.

Если бы ей три раза в день привозили тележку с едой, она бы, поди, тоже из кровати не вылезала.

– У меня сегодня шикарные вкусняшки! – крикнула Фэй и помахала перед драконьей мордой пожухлой морковкой.

Золотистый глаз приоткрылся, челюсти разомкнулись, и где-то глубоко в брюхе чудовища запылало пламя. Фэй словно очутилась перед растопленной печкой.

Едва девочка сунула морковку ему в пасть, как та сгорела.

Дракон издал рык, явно означавший «еще!»

Фэй зацокала языком:

– А повежливее можешь?

Дракон снова зарычал, на этот раз выпустив струю дыма, – говорить «пожалуйста» по-другому он не умел.

– Уже лучше. – Фэй повернулась к тележке, нагруженной объедками с кухни. – Так, давай-ка посмотрим. Капустные кочерыжки, скорлупа от яиц василиска и пудинг из лунофрукта – у Рены он нечаянно подгорел. Вообще-то жаль, потому что лунофрукты я прямо в полночь собирала...

Собранные в полночь лунофрукты – это деликатес. И чем ближе к полнолуннию, тем они вкусней. Мякоть у них сладкая, и после того, как поешь их, твоя кожа несколько дней слегка светится. Волшебник Запад владел единственным лунофруктовым садом во всем их королевстве, Солуме, и каждое утро выпивал стакан лунофруктового сока. После того как один отважный журналист написал об этой его привычке, в Селурдур вереницей потянулись богатейшие вельможи и дамы. И тогда волшебник изобрел эликсир. Стоил он немало, но Фэй каждую ночь ложилась спать глубоко за полночь – бегала собирать лунофрукты, чтобы эликсира хватило всем.

Плод-другой она с чистой совестью оставляла себе.

– Этот десерт тысячу стерлингов стоит!

Или стоил бы, не прозевай Рена. Фэй подозревала, что повариха нарочно так сделала, чтобы не попасться на краже лунофруктов.

«*Вот трусиха жалкая*», – сердито нахмурилась Фэй.

Все остальные слуги ужасно боялись, что их превратят в кошек, а Фэй считала, что в этом самое веселье и есть. Какой смысл жить в волшебном замке, если не есть лунофруктов, не лазать в невидимую башню рисовать закаты и не опускаться в подводной лодке из пузырьков на дно бассейна, где гнездятся китята? Рисовать кошачьей лапой, наверное, сложновато, впрочем, Пак справляется отлично. Этот придворный кот даже от работы по дому освобожден – знай себе сидит на кухне и делает вид, будто мышей пугает, а на самом деле просто мисками уплетает сливки.

Да и спит он явно дольше, чем Фэй.

Мало того, что ей каждую ночь за лунофруктами охотиться, так еще и утром до рассвета вставать, чтобы яйца василисков собрать. Это занятие Фэй больше всего на свете терпеть не может: на цыпочках крадясь между сонными петухами и бородавчатыми жабами, она осто-

рожно проверяет, нет ли под жабами яиц. Смотреть приходится в оба: забудь она хоть одно яйцо, и тогда оно разморозится, проклюнется и...

Достаточно сказать, что все обернется очень плохо.

Фэй бросила Нелу в раскрытую пасть пригоршню скорлупы и кусок пудинга. Не жуя, дракон запрокинул огромную зеленую голову и проглотил. От лунофрукта чешуйки у него на шее засветились.

– Как на вкус? – спросила Фэй. Золотистые драконьи глаза прищурились, он издал долгий рык, а напоследок изрыгнул пламя. Земля под ногами у Фэй содрогнулась. Сама девочка успела отскочить, а вот тележку охватил огонь. Нел вытянул шею и принялся пожирать поджаренные овощи и горящую древесину. Десять секунд – ХРУМК! – и все исчезло.

Фэй стряхнула с туники случайную искру и вздохнула:

– Корнелиус! Вторая тележка за месяц! Как я буду тебя кормить, если ты съешь все мои тележки?

Дракон безмятежно закрыл глаза.

Фэй же до его спокойствия было далеко. Может, заколдовать серебряные подносы, чтобы они цеплялись друг за дружку и летали? Волшебство – это несложно, но заклинания надо произнести так, чтобы никто не заметил. В Солуме слугам строго-настрого запрещается прибегать к магии. Да и почти всем остальным – тоже. Об этом гласит свод законов, известный под названием «Равновесие». Магия – штука непредсказуемая. И опасная. С ее помощью можно и пожар устроить! Чтобы поддерживать на острове порядок, четыре первых волшебника придумали список строгих правил, какие заклинания разрешается произносить. А самое главное правило: только признанные волшебники и их ученики имеют право прибегать к магии. Ведь если допустить до нее кого попало, то и случиться может что угодно. И эти признанные волшебники смотрят за тем, как применяется магия на закрепленных за ними территориях – в магических округах Севера, Юга, Востока и... Запада.

В Селурдуре, где жила Фэй, волшебства было больше, чем где бы то ни было. Но даже несмотря на то, что она с самого детства обитала в доме волшебника Запада, стать его ученицей она даже не мечтала. Прежде всего волшебники – они всегда мужчины. Девочек официально на обучение не принимают, и рассказы о ведьмах, мошенническим путем добравшихся до магии, заканчиваются плохо.

Неподалеку зашуршали листья, Фэй выпрямилась и насторожилась.

Почти всех волшебных животных и все растения привез в западную часть Солума первый волшебник Запад – привез и запер в стенах Селурдура. Чтобы сберечь. И защитить. Или, точнее, защитить от них жителей Солума. После того как здесь поселили Дьяволова змея, вокруг него образовался целый волшебный мир: облюбовавшие кусты зверюшки, золотые рыбки с монетками вместо чешуи, павлины с хвостами такими огромными, что в них гнездились другие птицы. Был среди них и зяблик, чья песня проникала тебе прямо в мозг. Тогда ты и сам начинал петь и не мог остановиться, пока птица не вытаскивала у тебя из уха мелодию и не склевывала ее, словно червяка. Впрочем, Фэй предпочла бы впустить к себе в голову дюжину приставучих мелодий, чем повстречаться с семейством огромных, с лошадь размером, тараканов, обитавших на окраине драконьего участка.

– БУ!

Из кустов выпрыгнул черный кот с озорной ухмылкой на морде.

Фэй закатила глаза.

– Сам ты бу, Пак.

– Ты чего, совсем не испугалась? – разочарованно протянул он.

– А что, должна была?

– Ну да, – невозмутимо бросил кот, – я тебе ужасные новости принес.

Сердце Фэй подпрыгнуло. «*Pana!*» – сразу подумалось ей.

– Что-то с папой случилось?

Девочка постоянно за него переживала: отец старел, и работа смотрителя замка давалась ему нелегко. Будь он даже вдвое моложе, лазать по деревьям и приручать животных и то было бы тяжело, но отца Фэй возраст не останавливал. Сейчас он отправился в экспедицию в селурдурскую оранжерею, стеклянное здание, с виду маленькое, однако Фэй знала, что только так кажется, и отец может застрять там на несколько дней или даже недель.

– С твоим папой? Нет. Насколько мне известно, с ним все в порядке, – осторожно ступая, Пак перешагнул через оставшуюся от тележки золу и чинно уселся у ног Фэй. – Зато волшебник Запад умер.

– Умер? – Девочка взглядела в блестящие кошачьи глаза, выискивая подвох. Шутка ужасная, но чувство юмора у Пака такое же черное, как его шерсть.

– Ага, совсем умер, – черный хвост дернулся, – у него остановилось сердце. И тело окоченело.

Фэй тоже похолодела и вздрогнула.

– Это... кошмар.

– По-моему, – продолжал кот, – это как раз не проблема.

– Как это?

Фэй растерялась: волшебник Запад умер, разве бывают новости страшнее?

Воображение не успело придумать ответ. Хвост у Пака дергался из стороны в сторону.

– Дело в том, что... Запад не сказать, чтобы упокоился с миром. Он теперь привидение. Призрак, который не замечает, что умер. И проблема – *твоя* проблема – в том, что сказать ему об этом должна ты.

Сперва Фэй едва не рассмеялась, а потом ее потянуло заплакать.

В конце концов она выдавила сдвленный смешок.

– Я?

– Ага, – кивнул кот, – мы кинули жребий, и он указал на тебя.

– Но... – Фэй запнулась, – я с волшебником Западом даже не говорила ни разу.

Обычно с волшебником разговаривал папа – сообщал ему о нашествии огненных чертополохов в парке или о том, как волшебник своей тоской нагнал двухнедельные ливни, из-за которых с крыши смыло горгулий. И так дела обстояли всегда, насколько Фэй хватало памяти.

– И, возможно, никогда больше и не заговоришь, – согласился Пак, – сообщишь ему о безвременной кончине, и все. Призраки обычно в этом мире не задерживаются. Уладят дела – и только их и видели. От тебя требуется лишь показать Западу его тело и... подсластить пилюлю.

– Подсластить смерть? И как, интересно?

– Польсти его самолюбию, – посоветовал Пак, – скажи, что его здесь будут вечно любить больше всего. Что его станут бесконечно оплакивать. И все в таком духе.

– Ты знаешь, что сказать, так чего же тогда сам с ним не поговоришь?

– Потому что жребий выпал не мне.

– Потому что ты трусливый кот! – смело заявила Фэй.

Пак с деланным спокойствием окинул взглядом девочку.

– Я кот и хочу им остаться. Впрочем, тебя, если повезет, тоже, возможно, сделают кошкой.

– Волшебника Запада я не боюсь, – громко сказала Фэй, – и привидений тоже.

– Вот и чудненько, – подхватил Пак, – тогда вперед.

Волшебник Запад сидел в своей небесной библиотеке – выбирал шаблон для солнечного заката.

Это его коронный номер, ведь солнце-то, как ни крути, садится на *западе*. Впрочем, Фэй редко заставляла его здесь за работой. Она, несмотря на всю свою показную смелость, призраков

раньше не видела и думала, будто тела у них прозрачные. Как стены башни, где сейчас находился волшебник. И как ступеньки, по которым Фэй туда поднялась. В небесной библиотеке у нее всегда кружилась голова: здесь заклятье превратило каменные стены в стеклянные, чтобы тот, кто раскрашивает закат, мог по достоинству оценить собственную работу.

Фэй чуть не врезалась в закрытую дверь, но успела притормозить и постучаться. Звук напоминал хрустальные колокольчики, такой же звонкий и чистый. Волшебник Запад наверняка его слышал, но был слишком занят закатом. Шаблоны он разложил перед собой на прозрачном столике: лиловые, оранжевые и ярко-розовые. Слабостью волшебника были живописные облака, правда, вспоминал он про них не всегда. Иногда, когда он забывал про закат, отец отправлял Фэй наверх, чтобы закат раскрасила она.

Фэй приоткрыла дверь и заглянула внутрь:

– Сэр? Простите...

– Ну что еще? – рассердился волшебник Запад. – Давай, девочка, определись уже, ты заходишь или выходишь? Из-за тебя тут сквозняк! Я простужусь и умру!

Кстати, о смерти...

Она проскользнула в небесную библиотеку и прикрыла за собой дверь.

Как обычно людям сообщают о том, что они умерли? Особенно если твой собеседник – могущественный волшебник, в чьей власти находится четвертая часть Солума?

На столе лежала карта страны, но не бумажная – она представляла собой настоящую страну, только маленькую. Бездонное море, окружавшее ее, вздымалось настоящими волнами, а над ним сгрудились грозовые тучи – они появились там еще в Эпоху теней. Ни единое судно не осмелилось бы войти в эти пронзенные молниями тучи. Зато в остальных частях острова кипела жизнь. Вдоль побережья пыхтели паровозы. Над городами плыли дирижабли. Телеги, запряженные лошадьми и груженные крошечными капустными кочанами, выезжали с ферм. Фэй любила наблюдать, как они едут из одной деревни в другую, и смотреть на надежный, спрятанный в самом западном углу Селурдур. Крошечная модель замка располагалась там, где заканчивается лес и начинается океан, на краю окутанных туманом скал.

Таких же размытых туманом и нечетких, как кожа волшебника Запада там, где она соприкасалась с воздухом. Как странно размывается его силуэт! Застыв возле двери, Фэй рассматривала это жутковатое явление.

Затем она кашлянула, но волшебник даже головы не поднял. Он по-прежнему стоял над образцами, расставляя и передвигая их, словно пазл.

– Давай, выкладывай!

– Сэр, тут для вас одно срочное дело, – начала Фэй.

– От кого-то из трех других?

Он говорил об остальных волшебниках – Севере, Юге и Востоке. На карте их территории выглядели совершенно непохоже на Запад. Если Селурдур стоял среди холмов, то его восточного соседа, Гхибли, окружали песчаные дюны. Вокруг замка Реуэл на севере раскинулась снежная равнина, а замок Чантуин было не разглядеть в джунглях. Папа часто говорил, что именно здесь он научился садоводству и руки у него позеленели. Отец, хоть и смеялся, не шутил. Пальцы у него и правда были зеленые – такое заклинание наложил на него волшебник Юг, когда папа работал там смотрителем замка.

Так, по крайней мере, поняла Фэй. Папа не особо откровенничал ни о своей жизни на Юге, ни о том, почему взял маленькую дочку и перебрался на Запад, ни о том, что случилось с матерью Фэй. Она давно уже перестала спрашивать, но каждый раз, увидев этот участок карты, чувствовала, как в груди у нее что-то вспыхивает. Колющее и яркое.

У Фэй перехватило дыхание.

– Нет, – ответила она волшебнику Запада, – это не от них.

– Значит, от короля Максимилиана?

Фэй посмотрела в середину карты, туда, где безупречными остриями торчали белые башни королевского дворца. Вот что объединяло все четыре региона – Ретнек, столица.

– Нет, – снова ответила она.

– Значит, дело несрочное.

Фэй подошла к столу с противоположной стороны. Всю жизнь прожив в замке, она тем не менее никогда не видела волшебника так близко. Стариком он не выглядел. По крайней мере, не таким, чтобы уже умереть. На лице – ни морщинки, да и седых волос нет. Его тело слегка светилось, и Фэй не понимала, в чем причина – в лунофруктах или в том, что он теперь призрак. Глаза у волшебника были почти черными, и он, казалось, намеренно старался не смотреть на нее.

О волшебнике Западе она знала все. Фэй не раз наблюдала, как он роется в аптечных ящичках ее отца, выискивает ингредиенты для зелий, берет все, что понравится, и даже не благодарит. Она видела, как волшебник, не притронувшись к приготовленным Реной деликатесам, отправляет их обратно на кухню. Такие, как он, о других не думают, и для Запады в мире не существовало никого важнее его самого.

– Это касается вашего общественного положения, – продолжила Фэй, и чародей наконец обратил на нее внимание. Его черные глаза вспыхнули.

– Это тот надоедливый репортер? Они там в «Проклятом очаровании» снова хотят меня грязью вымазать? Повезло им, что я их всех в жаб превратил!

– А если и превратили бы, они просто напечатали бы очередную статью об этом, – заметила Фэй, – жабы прекрасно умеют пользоваться пишущими машинками.

Губы на светящемся лице Запады сложились в некое подобие улыбки.

– Ты... дочка Торна, верно?

– Да, сэр.

– Фэрил?

– Нет, Фэй.

– Мне некогда, Фэйел.

Фэй поморщилась и посмотрела на его тигротапки-сороходы. Волшебник весь день просидел в замке. На его одежде не было следов от драконьих искр, а под ногтями не чернела земля, которая остается после того, как пересадишь в новый горшок норовистую орхидею. На коже волшебника Фэй вообще не заметила никаких отметин. Несправедливо это – царапины и шрамы достаются им с папой, а магия – волшебнику Западу.

– Меня зовут Фэй, и дел у меня тоже хватает, – заявила она.

– Дел тебе хватает, говоришь? – Волшебник фыркнул. – И поэтому ты лезешь под руку самому могущественному человеку в этой части Солума? Если я сейчас не разберусь с этим закатом, для тысяч людей день закончится очень мрачно.

Фэй протянула руку и выбрала три слайда, по одному для каждого этапа сумерек. На первом были огненно-оранжевые облака в форме рыбок, на втором они превращались в ярко-розовых бабочек, которые на третьем сменялись плотной дымкой цвета пурпурного зелья.

– А если вот в таком порядке? Что скажете?

Несколько секунд волшебник Запад придиричиво разглядывал ее работу, а потом хмыкнул:

– Для первого раза неплохо.

На самом деле получилось очень даже хорошо, потому что Фэй проделывала это неоднократно. Вот только скажи она об этом волшебнику Западу, и ее бросят в тюрьму как ведьму за то, что она незаконно прибегает к магии. И неважно, что ей всего двенадцать лет: нарушить законы Равновесия – преступление серьезное. Над силой ведьм и чародеев не властен даже король Максимилиан... В делах, связанных с магией, Его Величество обязан советоваться с конклавом из четырех волшебников. А как же сами волшебники? Что ж, они должны советовать

ваться друг с другом. Север контролирует волшебный округ Юга, а Запад действует в симбиозе с Востоком. Задумано так, чтобы четверо чародеев несли взаимную ответственность, и они едва ли обрадуются, узнав, что у Запада слуги балуются раскрашиванием закатов.

Фэй молча наблюдала, как волшебник берет набор небесных кистей, и надеялась, что он не в настроении лепить слишком много кучевых облаков. Возложенная на нее миссия и так уже затянулась...

Однако солнце наконец зашло, волшебник Запад убрал краски и повернулся к Фэй, а она по-прежнему не знала, что сказать.

– Может, вы, сэр, соблаговолите пройти со мной...

– Я не люблю неожиданностей! – перебил ее волшебник Запад. – Выкладывай сейчас же, или придется тебе напечатать все на машинке, причем печатать будешь жабыми лапами.

Выхода у Фэй не оставалось. Она поглубже вдохнула и выпалила:

– Вы умерли.

Призрак перед ней замер, а тигротапки-сороходы грозно зарычали.

– Умер? Как это? – переспросил он.

– Ваше тело лежит в кровати, – объяснила Фэй, – я хотела вам его показать, но...

– Нет! – рявкнул волшебник Запад. – Нет-нет-нет, это невозможно! Если я и лежу в кровати, значит, я там просто сплю. А ты – это ночной кошмар, который наслал на меня волшебник Юг!

«Подсласти пилюлю, – советовал Пак, – скажи, что его все будут оплакивать».

– Волшебник Юг ни за что так не поступил бы, – возразила Фэй, – он вас очень ценит и уважает. Если он вам что-то и пришлет, то венок из отборных мухоловок на похороны...

– ПОХОРОНЫ?! – Лицо волшебника Запада приобрело цвет забытого на плите чайника. Из багровых ушей повалил пар, а на кончиках пальцев блеснули искры магии. Дай волшебник ей волю, и Фэй уж точно превратится в лягушку. Теперь до Фэй дошло, почему Пак и остальные слуги так старались спихнуть это неприятное дело на нее.

– УБИРАЙСЯ ОТСЮДА, ВЕСТНИЦА БЕДЫ!

Фэй с радостью послушалась.

Она развернулась и бросилась к двери, но не успела.

Ее настигло выпущенное волшебником Западом заклятье перевоплощения.

Глава вторая. Новый хозяин для тигротапок-сорокоходов

Заклятье ударило Фэй прямо в спину, между лопатками. Ощущение было такое, словно ее щекочут или она собралась чихнуть, да так и не чихнула. Кожа у Фэй покрылась мурашками, и она испугалась: вдруг мурашки сейчас превратятся в зеленые бородавки? *«Только не жаба, пожалуйста, все что угодно, только не жаба, – испуганно думала она, – иначе до конца жизни придется высисживать яйца василиска».*

Слышит ли заклинание ее мысли, она не знала.

И что именно в ней меняется, тоже не видела.

Глаза у Фэй словно превратились в недоваренные яйца. Что-то потянуло ее сперва за волосы, а потом за позвоночник в самом низу спины. Хвостов у жаб нету, но зато есть у других малопривлекательных тварей. У крыс. У тритонов. И у пиявок! Ох, это в сто раз хуже. Вдруг папа скормит ее петухам?..

– ЧТО-О?! Нет!!! – прогремел у нее за спиной голос волшебника Запада.

Странные ощущения прекратились. Фэй в ужасе уставилась на собственное тело, но не увидела на своих ладонях ни шерсти, ни чешуи, ни зеленых бородавок. Вообще-то, насколько она могла судить, ничего не изменилось.

Она по-прежнему девочка.

Фэй обернулась и поняла, что волшебнику Западу повезло явно меньше, чем ей. Похоже, он больше не волшебник. Замерев, Запад испуганно разглядывал свои руки. Пальцы перестали искриться и сделались прозрачными, как будто заклинание окончательно истощило те крупницы магии, которые еще теплились в нем.

– Мое чародейство... Оно покинуло меня. Я... исчезаю.

Фэй старалась скрыть радость.

Запад опустил руки и посмотрел на девочку.

– Значит... это не ночной кошмар.

– Наверное, вы умерли во сне, – предположила Фэй.

– Во сне? – Волшебник задрожал так, что с него свалилась шляпа. – Какой ужас.

– Разве? – Фэй всегда считала, что так умереть лучше всего.

В мире и спокойствии.

Когда тебе что-то снится.

А вот Западу до спокойствия было далеко. Из ушей у него снова повалил пар.

– Это для волшебника-то? Ты когда-нибудь слышала легенды, в которых герой спокойно умер в своей постели? Нет! – выкрикнул он, не дожидаясь ответа. – О таких смертях не слагают баллады. А если об этом пронюхают писаки из «Проклятого очарования», они скажут, что у меня просто было слабое сердце. Волшебник – и слабое сердце! Да такого не бывает! Они мне репутацию испортят! Нет-нет-нет, надо придумать какую-то героическую гибель! Скажи газетчикам, что меня сразил дракон.

От этой идеи Фэй засмеялась.

– Единственный оставшийся в Солуме дракон – это Нел, да и тот просыпается, только если ему под нос жухлую капусту положить.

Лицо Запада само смахивало на жухлую капусту.

– Или можно сказать, что я отравился неудачно сваренным зельем. Хотя нет, тогда «Заболелки» откажутся продавать мои эликсиры. Лучше заявим, что это какой-то другой волшебник меня проклял. Но вдруг тогда начнется война?..

Война?

Фэй поежилась. Она знала, что такое случалось в стародавние времена, более двух тысяч лет назад, когда Солум был окутан бурями, которые теперь бушевали по краям его карты. *В Эпоху теней*. До появления поездов, телеграфов и памятных чайных сервизов. Во времена, когда их остров населяли жуткие чародеи, владевшие страшной магией.

Ну, а ужаснее всех была ведьма, известная под именем Сумеречной королевы.

Об этой мрачной правительнице никто почти ничего не знал, однако это не помешало сделать ее главной злодейкой в спектаклях уличных кукольных театров. И еще ею пугали непослушных детей: *«Будешь себя так вести, и Сумеречная королева придет за тобой волкодемонов, а они тебя сожрут!»*

Своих волкодемонов она и на войну посылала – Фэй как-то раз видела их на картинке в книге, над которой задремал папа. Обычно «Духов Эпохи теней» папа запирает в сундуке у кровати, но неделю-другую назад Фэй застала отца спящим, а вместо подушки он положил под голову этот гигантский, переплетенный кожей фолиант. Под глазами у отца залегли темные круги, которые удивительным образом гармонировали с нарисованными на странице Духами теней.

Птицами, способными накрыть крыльями целый город.

Драконами размером с гору.

Волками с горящими, как угли, глазами.

По сравнению с этими чудищами гигантские тараканы Селурдура – просто милахи. Фэй не хватало фантазии представить, каково это, увидеть их вживую и тем более сражаться с ними в магическом поединке. Впрочем, благодаря Равновесию до этого и не дойдет. В королевстве больше нет злых колдуний и Духов теней: четверо волшебников внимательно следят, чтобы все соблюдали правила. Хотя нет, теперь волшебников трое.

Осознав это, Фэй снова посмотрела на карту. Из-за переживаний – ведь она так боялась сообщать волшебнику Западу печальную новость – Фэй и не задумывалась о том, что означает его смерть. Для Солума. Для Равновесия.

Один из законов гласил, что волшебников всегда должно быть четверо, ровно четверо. Не меньше. Не больше. Фэй не раз задавалась вопросом, почему именно так. Неужто четыре человека в четырех волшебных замках и впрямь удерживают мир от краха? Неужели это они не позволяют горам, морям и городам Солума скатиться в пустоту, во мрак и хаос?

От этой мысли, хоть и нелепой, Фэй было страшно.

А вдруг на самом деле все еще страшнее?

Фэй понимала, что, возможно, скоро узнает ответ. Волшебник Запад умер, а преемника не оставил...

Согласно традиции, волшебникам полагается воспитывать себе смену, учеников, чтобы однажды один из них взял на себя магические дела в своем округе. У Севера, Востока и Юга уже подрастали целые небольшие армии юношей, которые умели вызывать дождь, отращивать крылья и приручать волшебных зверей – если их не одомашнить, эти звери досаждали бы местным фермерам. Запад же не отличался необходимым для наставника терпением, и все бы ладно, но это пока он был жив, а вот теперь, когда он призрак и даже заклятье превращения ему не под силу, дела обстоят намного хуже.

– Вы вовсе не обязаны сообщать газетчикам о том, что умерли, – медленно проговорила Фэй, – лучше подкинуть им какую-нибудь другую историю, поинтереснее.

– Это какую, например?

– Например, что вы ищете себе преемника. – При этой мысли сердце у нее забилося чаще. – Кто станет следующим волшебником Западом?

– Ох... Вон ты о чем...

Призрак выронил шляпу, та упала к его ногам, и тигротапки-сорокоходы принялись злобно грызть у нее поля.

– Да, полагаю, надо найти кого-то, кто влезет в мою шкуру. И мои тапки. Кто займет это удивительное место. Найти кого-то умного. Смелого. Молодого. И мне потребуется немало времени, чтобы замучить... Э-хм, то есть обучить его.

Фэй посмотрела на свои сапоги. Кожа на них вытерлась и пестрела отметидами от клыков. Девочка лишь сейчас поняла, что принесла на сапогах садовую грязь. И, похоже, еще и драконий навоз.

– И где мы такого возьмем? – спросила она.

– Если остальные волшебники узнают, что я умер, возможно, им захочется прислать в Селурдур мне на замену кого-то из своих учеников, – Запад надулся, – но так не пойдет!

– Не пойдет? – переспросила Фэй.

– Твой папа – редкий случай, когда переселенец прижился успешно... Ученик с Севера заморозит нам все растения! Выходцы с Востока превратят горгулий в сфинксов! Нет, тут нужна свежая кровь! Желательно королевская, – добавил призрак, – сделаем моим преемником принца! Или, по крайней мере, герцога. Тогда газетчикам уж точно будет о чем написать! – пробормотал он.

С трудом сдерживая недовольство, Фэй разглядывала свои грязные сапоги. Сквозь прозрачный пол она видела, как на крыше внизу дерутся горгульи. Фэй любила эти статуи и, забравшись на башенку, частенько подкармливала их твердыми, как камень, кексами, которые брала у Рены на кухне. При мысли о том, что из-за неопытного, плохо обученного волшебника горгульи превратятся в песок, у Фэй комок к горлу подкатил.

– А вам не кажется, что выбирать надо более... тщательно? – спросила она.

– В смысле?

– С принцем Максом я не знакома. – Про принца и его сестру-близняшку по имени Иллиан Фэй читала в «Проклятом очаровании», но там в основном рассказывалось, в каких нарядах они ходят по балам и как им жарят на завтрак яичницу.

– Может, вам следует сперва устроить для принца испытание, проверить, хорошо ли он соображает и хватит ли у него храбрости, чтобы занять ваше место, и только потом брать его в ученики?

– Испытание? – Волшебник Запад просиял. – Хм. Да! Испытание! Или, может, даже несколько испытаний? Для журналистов – как раз то, что надо... Селурдур распахнул ворота в будущее! Приглашу всех желающих посмотреть, как проходит отбор! Даже остальных троих приглашу! Они, разумеется, не приедут, зато всех остальных жителей Ретнека дважды приглашать не придется. Про поиски моего преемника все королевство заговорит! Это лучше, чем весенняя миграция бабочек из коллекции Юга. Популярнее, чем соревнования ледяных скульптур, которые устраивает Север!

– Насколько популярнее? – Фэй поморщилась. По случаю обоих событий, о которых говорил Запад, в округах Юга и Севера устраивали большие праздники. – В Селурдуре и места для такого не хватит. В отличие от других замков, мы прежде еще ни разу не приглашали столько гостей.

Услышав о гостях, Запад помрачнел.

– Да, верно, – пробормотал он, – лучше составить список гостей и пригласить только избранных, так получится загадочнее. И испытания тоже пускай будут необычные. Каких до сих пор не было! Надо немедленно взяться за работу и хорошенько все продумать.

Волшебник протопал мимо шляпы к двери. Сквозь дверь призрак прошел совершенно спокойно, зато его одежда застряла. Бархатный халат и тигротапки-скороходы теперь лежали на полу, а на волшебнике осталась только призрачная пижама. Фэй осторожно, чтобы тигротапки ее не укусили, отодвинула их в сторону, открыла дверь и последовала за волшебником.

– Пак! – услышала она крик Запада откуда-то снизу, с лестницы. – Собери всех! У меня важные новости!

Кот прятался на лестнице, там, где камни теряют прозрачность и снова становятся серыми. Увидев Фэй, он самодовольно ухмыльнулся.

– Вижу, все прошло отлично. Запад, похоже, был в хорошем настроении, раз изменил в тебе лишь самую малость.

Самую малость? О чем это он? Фэй провела руками по голове и нащупала... еще одни уши. Треугольные и покрытые шерстью, они выросли у нее прямо на макушке. Фэй ахнула.

Значит, заклятье перевоплощения удалось. Оно просто остановилось на полпути... и превратило ее в кошку лишь наполовину.

Фэй потрогала лицо и облегченно выдохнула: усы у нее не отросли. Нос тоже остался прежним. Вот только сзади вроде что-то странное появилось.

Она обернулась:

– ЗАПАД НАКОЛДОВАЛ МНЕ ХВОСТ!

В ответ хвост дернулся – длинный, белый и очень пушистый.

– Хвост – это отлично, – заверил ее Пак, – для равновесия очень полезно.

Он, разумеется, имел в виду *равновесие* с маленькой буквы, а не древний свод законов, благодаря которому их остров еще не погрузился в магический хаос.

– А когда у тебя две пары ушей, то и слышно лучше. К тому же теперь ты будешь прекрасно видеть в темноте.

Видеть в темноте? Фэй огляделась и поняла, что темную лестницу видит намного лучше, чем должна бы, ведь солнце-то уже зашло.

– Он и зрение мне заколдовал?

– Я бы сказал, усовершенствовал. Многие женщины немало заплатили бы, чтобы у них тоже были такие глаза – золотистые, роскошные!

– Золотистые? – Фэй моргнула. – Но... мне больше нравилось, когда они карие были.

Пак пожал плечами, насколько кошки вообще умеют пожимать плечами, и побежал вниз по лестнице.

– Ты же даже еще не видела, какие у тебя теперь глаза.

– И смотреть не желаю! – сердито хмурясь, она догнала друга. – Я снова хочу стать девочкой. С двумя ушами. И чтобы в штанах не надо было дырку прорезать для хвоста.

До Фэй только что дошло, что дырка в штанах ей понадобится: брюки неудобно давили на основание хвоста.

– Штаны вообще штука дурацкая, – согласился Пак, – но тебе без них никак. Никогда не видел, чтобы Запад на полпути остановил заклятье перевоплощения.

– По-моему, его призрак держится только на магии. Когда он попытался наложить на меня заклятье, то совсем побледнел и... Ой!

Черный кот слегка замешкался, Фэй споткнулась и полетела вниз.

Пак не ошибся: благодаря хвосту девочка превосходно держала равновесие. Пролетев три ступеньки, она приземлилась на ноги. Удар получился громкий, прямо как стук сердца. Что ж, может, когда ты полукошка, это не так уж и плохо. Иначе она наверняка вывихнула бы коленку. И не разглядела бы на полутемной лестнице Пака, особенно сейчас, когда он словно окаменел. Новое зрение Фэй придавало ему сходство с селурдурской горгульей.

Даже кошачий голос, прежде шелково-гладкий, посерьезнел.

– То есть Запад больше не способен накладывать проклятья? И магия ему неподвластна?

– От нее он исчезает, – ответила Фэй.

– Похоже на правду, – кот задумался, – магия состоит из жизненной силы, а у призраков ее мало остается...

Он умолк.

Даже четырьмя ушами Фэй ничего не слышала, и от этого ей сделалось не по себе. Обычно Пак без умолку болтал. Даже во сне он дергал лапами и что-то бормотал на диковинном языке, известном только кошкам.

– Что случилось-то? – окликнула она кота.

– Ничего, – мрачно послышалось в ответ, – или... много чего.

– Это два совершенно разных ответа, – заметила Фэй.

Пак растянул рот, и в тусклом свете звезд блеснули кошачьи зубы.

– Даже такие превосходные глаза, как мои, будущего не видят. Но я знаю, что, если волшебник Запад не способен защитить Селурдур, замку грозит опасность.

Едва кот упомянул о Селурдуре, как ступеньки под ногами у Фэй задрожали, как будто замок слышал их разговор. Может, так оно и было. Селурдур не просто здание. Здесь жили волшебники. И не один. Запад, до него – еще один Запад, и снова, и опять. Их магия вьелась в стены, отчего те двигались, менялись местами и воспитали в себе довольно причудливый характер.

Происходит ли то же самое в замках других волшебников, Фэй не знала. Возможно, в Гхили, Чантуине и Реуэле по выходным тоже появляются бальные залы, а во время метеоритных дождей – обсерватории. Но вряд ли они питают такую же слабость к паутине, как Селурдур. И к пыли тоже. Горничные замка боялись выбивать ковры, потому что их кисточки непременно пытались дать сдачи, а после уборки никто не знал, в каких комнатах они прежде лежали и куда их возвращать. За такое Селурдур таил обиду. Фэй научила других слуг мириться с домом – для этого требовалось помыть окна. Витражные окна обожали, когда их хорошенько протирают, и на каждый взмах тряпкой отвечали яркими всплесками цвета.

– О Селурдуре мы позаботимся, – пообещала Фэй ступенькам. Дрожь прекратилась, и Фэй оглянулась на Пака. – Мы и так здесь почти всю работу выполняем. Я могу взять на себя закаты, сады и животных. Когда папа вернется из своей экспедиции в оранжерею, то поможет нам с ингредиентами для зельеварительного склада.

Хвост Пака метался из стороны в сторону так стремительно, что в тени лестницы превратился в одно большое темное пятно.

– Будем надеяться, что твой папа вернется до следующего полнолуния.

– Лунофрукты я собирать умею, – напомнила ему Фэй, – так что не переживай.

– А я не из-за этого.

– А-а. – Фэй не понимала, из-за чего кот так волнуется. Прежде она ни разу не видела, чтобы шерсть у него так дыбилась. – До полнолуния почти месяц. Папа еще никогда не застревал в оранжерее так надолго.

Впрочем, в такой спешке, как сейчас, папа тоже еще никогда не уходил. На столе лежала развернутая газета, рядом дымилась чашка пепельного чая, а папа уже собирался уходить.

– Пойду соберу слезы ивы, – сказал он.

Как будто собрать ивы слезы так же просто, как заглянуть в деревенскую лавку, и для этого не нужны четыре ножа, которые папа вложил в ножны на поясе.

У Фэй снова перехватило дыхание.

Как же ей хотелось, чтобы папа был рядом.

«Он вернется, – сказала она себе, – скоро».

– Папа вернется и поможет нам, – пообещала она Паку. – Приведем все в порядок и подготовимся к приезду следующего волшебника Запада. Наверное, для этого он и созвал всех. Ему нужна помощь в поисках преемника.

– Если так, то надо поторопиться! – Кот промчался мимо Фэй вниз по лестнице и исчез в темноте. – И чем быстрее тут появится новый волшебник, – послышалось из мрака, – тем лучше.

Глава третья. Я умер? Да здравствую я!

Селурдур тоже, похоже, не терпелось провести всеобщее собрание. Когда Фэй и Пак спустились по лестнице, возле замка уже успел отстроиться открытый амфитеатр. Горгульи спустились со стен замка и устроились на водосточных желобах, а слуги заняли места на полукруглых, высеченных из нефрита скамьях. Верхние ряды располагались возле южного зала, а те, что ниже, среди лунофруктовых деревьев. Сейчас, после заката, фонарями здесь служили сами плоды, в свете которых серебрились щеки Фэй и ее друзей. Если кто-то из них и удивился, заметив, что у нее появились лишняя пара ушей и хвост, а глаза зазолотились, то свое удивление все тщательно скрывали. Рена помахала ей. Аргон, дворецкий, заулыбался. Зуза и Жужа, две крылатые горничные-близняшки – крылья они унаследовали от какого-то давнего предка, жившего в Потерянных землях за Бездонным морем – сперва шепнули что-то друг дружке, а потом одновременно показали Фэй большие пальцы.

– Если надо будет перешить одежду, мы с Жужей поможем! – и Зуза взмахнула крыльями. Формой они напоминали стрекозы, да и по размеру были ненамного больше. На таких крыльях не взлетишь, зато ими удобно смахивать пыль. – Мы в нашей форменной одежде прекрасно научились дырки вырезать.

Фэй растянула губы в улыбке, правда, ее золотых глаз улыбка не коснулась.

– Спасибо.

Прорезать дырки во всей одежде – это как-то... необратимо. Неужто она, Фэй, теперь навсегда такая? Или ей удастся убедить нового волшебника Запада снять проклятье? Фэй в очередной раз осознала, насколько важно правильно выбрать этого ученика. Для королевства Солум и магического Равновесия, но также и для всех, кто живет здесь, в Селурдуре. Выбрать кого-то смелого, умного и молодого недостаточно. Следующий волшебник Запад должен быть еще добрым и думать не только о себе, но и о других людях.

Если же он не такой...

Что ж...

Фэй проводила взглядом заводную мышь, пробежавшую между рядами, мимо белки в форме горничной и с покрытым пылью хвостом. Волшебник Запад почти никогда и ни на кого не накладывал вечного заклятья. В зависимости от тяжести проступка провинившийся ходил в зверином облике всего месяц. Или год. Ну, может, два. Но в конце концов Запад возвращал слугам человеческий облик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.